

«МАТРЕНИН ДВОР» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА И ПРОЗА РЯЗАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 1960-х гг.

А.В. САФРОНОВ

a.safronov@rsu.edu.ru

канд. филол. наук, доцент
кафедры литературы
Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина
Рязань, Россия

Ключевые слова:

*Солженицын, деревенская
проза, типологическая
близость, праведницы,
христианские ценности,
коммунистическая идея*

В рязанский период творчества отношения А.И. Солженицына с писателями-земляками были натянутыми. Тем не менее следует отметить прямое и непосредственное влияние «Матренина двора» на содержание и поэтику их произведений, в большинстве своем принадлежащих к деревенской прозе. В статье прослеживается как полемический диалог, так и попытка развития солженицынских мотивов в рассказах 1960-х гг. В. Матушкина и Е. Маркина, непосредственно участвовавших в исключении опального автора из Союза писателей РСФСР.

Широко известно утверждение, что именно с «Матренина двора» А.И. Солженицына началась «деревенская проза» – порождение периода оттепели 1950–60-х гг. Ведущую роль в этом течении сыграли писатели из провинции, в произведениях которых наметился постепенный переход от очерковых форм к лирической прозе и эпосу, больше внимания стало уделяться национальным традициям и противопоставлению города и деревни.

Писатели-рязанцы 1960-х гг. тяготели к деревенской или производственной тематике: это совпадало с линией Коммунистической партии, открывало больше возможностей для публикации. В это время были изданы романы, повести, рассказы и очерки Н. Шундика, В. Золотова, А. Чувакина, Н. Родина, в которых в качестве главного героя выступал человек трудолюбивый, бескорыстный, близкий к природе, социально активный, иногда, наоборот, терпеливый и безропотный. Встречаются персонажи, прошедшие через войну и другие испытания, перекликающиеся с образом Ивана Денисовича.

Позже Солженицын с теплотой отзывался о городе, где прошли «годы кропотливого труда». Рязанцы стали прототипами героев его книг, нередко имена для своих персонажей он находил в школьном журнале, в списках студентов сельхозинститута, в книге рязанского дворянства. Особая тема – отношения с братьями по перу, членами рязанской писательской организации, членом которой Солженицын стал сразу после публикации в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича». Эти отношения не сложились с самого начала: в силу замкнутости характера он не принимал участия в «дружеских посиделках», не высиживал вынужденно часами у кабинетов партийных и газетных начальников, ожидая благословения на публикацию стихов или очерка, не выезжал с коллегами на заводы и в поля с чтением поэм и гимнов во славу рекордного урожая и передовиков-стахановцев. Солженицын был в своем творческом уединении «свободным художником». К тому же, минуя статус «областного» писателя, он сразу стал «всемирным», а вскоре обрел мировую славу, что вызвало естественную для творческих людей зависть. Тем не менее после знакомства с прозой Солженицына писатели-рязанцы делают попытки создать и образ женщины-праведницы, типологически близкий солженицынской Матрене. Диалог рязанских писателей с автором «Матренина двора» складывался по-разному, в зависимости от поставленных

перед собой писателем задач, от степени таланта, от писательской смелости.

Василий Матушкин родился в бедной семье, сменил ряд рабочих профессий: был часовщиком, кузнецом, сапожником, строителем, слесарем. Как и Солженицын, Матушкин занимался учительской деятельностью, в литературу пробивался с трудом. Ведущее место в творчестве писателя заняла тема характеров и судеб крестьян в военные и первые послевоенные годы. Лучшим его произведением признается повесть «Любаша» (1971 г.) о девочке-подростке и ее младших братьях и сестрах в годы Великой Отечественной войны. Подобно Солженицыну в рассказе «Матренин двор», Матушкин выстраивает всю фабулу «Любаши» вокруг образа главной героини. Повесть была экранизирована в 1978 г. на киностудии им. А. Довженко.

Евгений Маркин, по характеристике Солженицына, «молодой, слишком левый и слишком передовой для Рязани поэт», с 14 лет начал публиковаться в периодической печати Рязанщины, член Союза писателей СССР с апреля 1968 г., лауреат первого Всесоюзного фестиваля молодой поэзии «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», издал и подготовил к печати 8 поэтических сборников. В 1970 г. он пишет стихотворение «Белый бакен», где выводит образ бакенщика Исаича, предупреждающего людей об опасностях в пути, и опубликует его в журнале «Новый мир» (№ 10, 1971).

...Каково по зыбким водам
у признанья не в чести
ставить вешки пароходам
об опасностях в пути!
Ведь не зря ему,
свисая
с проходящего борта,
машет вслед:
— Салют, Исаич! —
незнакомая братва... [3: 226]

В этом же номере и его стихотворение «Я знаю, что такое невесомость» с посвящением — «А.С.» (посвящение снял лично главный редактор В.А. Косолапов):

...Но знаю я и третью невесомость.
Стоишь — а твой начальник невеселый,
Развязывая петьельку тесемок, из папки
вынимает документ.
А в нем — донос.
В нем клевета на друга.
Ты что ж суешь на подпись мне, подлю-
га?! [3: 229]

«Клеветой на друга» поэт зашифровал постановление об исключении Солженицына, но не только: в образе «начальника невеселого» усматривается и секретарь СП РСФСР Ф. Таурин, руководивший этой процедурой. Через месяц Евгения Маркина исключают из Союза писателей СССР «за утрату членского билета и антиобщественное поведение». Для такой формулировки он был подходящим объектом, поскольку в житейском плане не являл собой образец благообразия. В 1974 г., когда Солженицына выслали из СССР, Евгений Маркин написал стихотворение «Прощание с гвардии капитаном», строки которого говорят многое:

А я, к колючке прикасаясь,
через запретную черту
ему кричу: — Прощай, Исаич!
Твое мне имя — угль во рту!
Как ты, тоскуя по Рязани,
бреду один в подлунный мир.
...И ястребиными глазами
мне в спину смотрит конвоир [3: 298].

В рассказах В.С. Матушкина «Сердце матери» и Е.Ф. Маркина «Нянька» прослеживается прямое и непосредственное влияние «Матренина двора» А. Солженицына на прозу рязанских писателей. В центре обоих произведений — типологически близкие солженицынской Матрене образы пожилых женщин-крестьянок, трудолюбивых, честных, бескорыстно отдающих себя другим людям.

Рассказ Е. Маркина датирован 1968 г., автору потребовалось некоторое время для осмысления проблем, затронутых Солженицыным. В.С. Матушкин же на «Матренин двор» откликнулся стремительно: «Сердце матери» вошло в его сборник «На большаке», который был сдан в набор в сентябре 1963 г., через полгода после публикации рассказа Солженицына в «Новом мире». Краевед Н.В. Ледовских со слов Н.А. Решетовской пишет: «24 января опять пришел В.С. Матушкин, принес «Литературную Россию» с очередной рецензией на рассказы. Высказал очередные восторги «Матрениным двором» [1: 158].

Героиня «Сердца матери» Анна Ивановна — пожилая вдова, муж которой погиб на войне, женщина трудолюбивая, отзывчивая, честная. Много говорит о том, что замысел автора — создать образ некой современной праведницы, но образ явно полемичен по отношению к героине «Матренина двора». У нее семеро детей, все они уже взрослые, получили или получают образование, вполне обеспеченно и счастливо живут и работают в разных местах Советского Союза — в Ташкенте, Одессе, Сибири, на Дальнем

Востоке. Ее дом в отличие от дома Матрены – просторный и светлый, строили его всем колхозом. Полевые работы, на которые едет Анна Ивановна вместе с другими колхозниками, воспринимаются ею как праздник: «...молодые песни завели... все сбудется, о чем в песнях поется, все достижимо» [4: 108–109]. Работает пенсионерка не из нужды, а потому, что «радостным стал труд» [4: 108–109].

В начале рассказа героиня волнуется: младшая дочь, лучшая доярка в районе, собирается в райцентр, где ее будут принимать в партию. Радость Анны Ивановны по этому поводу слегка омрачена: партийное руководство рекомендовало той продолжать учебу. Но эта неприятность весьма непродолжительна: дочь решила остаться дома, а учиться заочно.

В еще больший восторг приводит героиню письмо от младшего сына, в котором он сообщает о защите диплома и о том, что возвращается в родное село, где будет «сады сажать» [4: 111]. Получив это известие, старушка, надев новое платье, торопится в правление колхоза поделиться своей личной и семейной радостью с председателем колхоза и партийным секретарем: «Ведь это колхоз и партия пуще матери родной заботились о ее детях» [4: 111]. По сути дела, Матушкин открытым текстом говорит читателю: вот кто истинные праведники – колхоз и партия!

Прототипом героини Солженицына была реальная жительница Владимирской области, в трагической судьбе которой отразилось то, что пережили многие русские женщины и не только они – вся Россия. О реалистичности и даже собирательности образа героини Матушкина, своеобразной «антиматрены», говорить сложно, персонаж выглядит типичным лишь с точки зрения канонов социалистического реализма, одним из важнейших принципов которого было «изображение действительности в ее революционном развитии», попросту говоря – желаемое следует выдавать за действительное, реальным следует считать не то, что есть, а то, каким должно быть социальное и даже природное явление, человек и его судьба, его характер и идеалы.

Мария Михайловна в автобиографическом рассказе Е. Маркина «Нянька» приходится тетей герою-повествователю: «Она была младшей, седьмой, дочерью в семье моего деда – безлошадного горшечника из мещёрской деревни Клетино» [2: 216–217]. Эта одинокая, горбатая, рябая пожилая женщина более двадцати своих племянников «выходила, выпестовала, присматривая порой сразу за двоими-троими. Каждому из нас она вторая мать!», «о каждом она радела на грешной земле и за каждого готова там, на

А.И. Солженицын, 1965 год

небе, принять смертные муки» [2: 228]. Солженицынская Матрена сходным образом «младшую их девочку Киру... десять лет воспитывала... как родную, вместо своих невыстоявших» [5: 135]. Судьба Марии гораздо ближе к судьбе героини «Матренина двора»: «Все довелось пережить няньке за свою долгую жизнь: и бедность, и нужду, и потерю близких. Она помнит голод тридцать третьего года и лютую засуху сорок шестого... Помнит войны, пожары, денежные реформы, смену шести попов в церкви соседнего села и двадцати двух председателей нашего колхоза» [2: 217].

Маркин будто пытается дополнить то важное, о чем Солженицын говорит лаконично, скупое: в основе мировоззрения его Матрены лежит народная, глубокая, искренняя вера в Бога. Творчество Солженицына зиждется на христианской основе, и в его произведениях присутствуют мотивы покаяния, света и тьмы, памяти смертной, мученичества, христианской любви, пресечения зла, прощения и др. Для его любимых героев характерно сходство со многими русскими святыми, им свойственны такие качества, как терпение, спокойствие, кротость, молчаливость, смирение, простота без ухищрений.

Однако религиозность праведницы из деревни Тальново не акцентируется, автор упоминает лишь, что в ее доме есть иконка Николая Угодника и лампадка. Игнатич никогда не видел, как Матрена молится, и считает ее скорей язычницей из-за многочисленных суеверий, но «дело всякое начинала «с Богом!», и мне всякий раз «с Богом!» говорила, когда я шел в школу». Тем не менее рассказчик отмечает, что «грехов у

нее было меньше, чем у ее колченогой кошки» [5: 129]. У Маркина же молитва няньки перед иконкой, «крохотной, со спичечный коробок» [2: 217] – кульминационный момент рассказа. Повествователь слышит ее слова, обращенные к иконе: «Господи Иисусе, помилуй мя!..» В его сознании – сознании атеиста, точнее – агностика, не догадывающегося, что он на самом деле ищет Бога, рождается мысль о возможности открыть для няньки новую жизнь – «истинную, красивую, земную» [2: 227]. Но, осознавая свое бессилие «перед самой великой трагедией бытия – временем», он признает наличие в жизни этой женщины иных, чем у него, высших духовных ценностей: «И тогда мне становится жаль, что в этом мире нет бога. Привел бы он новопредставленную деву Марию в свои высокие покои и за ее бесчисленные моления и труды, за всю ее безгрешную жизнь определил бы ей почетное место рядом с собой, даровав исполнение любых ее желаний... И в бессильной злости на себя за то, что даже ценой собственной жизни мне не удастся облегчить для няньки бремя бытия,

не верующий ни в бога, ни в черта, я могу лишь мысленно повторять эту вечную фразу из какой-то иступленной молитвы, вкладывая в нее свой, мне одному лишь понятный смысл:

– Да святится имя твое, пресвятая дева Мария!..» [2: 228].

В диалоге Матушкина с Солженицыным явственны попытки противопоставить христианским ценностям Матрены преданность коммунистической, коллективистской идее, веру в светлое настоящее и в еще более светлое будущее. В рассказе же Маркина мы находим стихийное богоискательство как русской интеллигенции эпохи оттепели в целом, так и личный духовный поиск автора.

Наше исследование углубляет представление о воздействии «Матренина двора» на развитие русской деревенской прозы второй половины XX в.: не только писатели «первого ряда» испытали на себе и отразили в своем творчестве те художественные и нравственные уроки, которые были даны А.И. Солженицыным в рассказе о деревенской праведнице. ■

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и правительства Рязанской области. Проект РФФИ 18-412-620002 р_а «Рязанский период жизни и творчества А.И. Солженицына (1957–1969)».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ледовских Н. Солженицынские места Рязани // Переяславль. Литературно-критический альманах. 2007. № 12.
2. Маркин Е.Ф. Нянька // Проза рязанских писателей. Рязань, 2001.
3. Маркин Е.Ф. Серебряный вальс. Стихотворения и проза. Рязань, 2008.
4. Матушкин В.С. Сердце матери // На большаке. Рассказы и были. Рязань, 1963.
5. Солженицын А.И. Матренин двор // Собрание сочинений в 30 т. М., 2006. Т. 1. Рассказы и крохотки.

A.V. Safronov

MATRYONIN YARD OF A.I. SOLZHENITSYN AND PROSE OF RYAZAN WRITERS OF THE 1960'S

Solzhenitsyn, village prose, typological closeness, righteous women, Christian values, Communist idea.

In the Ryazan period of creativity Solzhenitsyn relationship with fellow writers were strained. Nevertheless, it should be noted the direct and direct influence of Matrenin yard on the content and poetics of their works, most of them belonging to the village prose. The article traces both the polemic dialogue and the attempt to develop Solzhenitsyn motives in the stories of the 1960's by V. Matushkin and E. Markin, who directly participated in the exclusion of the disgraced author from the Union of writers of the RSFSR.